

Dichterkanon. Ein Versuch die vollendesten Werke der Dichtkunst aller Zeiten und Nationen, auszuzeichnen. Von Dr. Neukirch. (Собрание поэтов. Опыт исчисления совершеннейших произведений поэзии всех времен и народов. Доктора Нейкирха.) Киев. 1853. В университетской типографии. В 8 д. л. XXIV и 546 стран.

Характеристично второе заглавие книги, на 71 стран., после введения: *Список (Verzeichniss) важнейших поэтов и поэтических произведений всех времен и народов.*

Верный заглавию, автор дает нам действительно «список», то есть не связанные ничем одна с другою статейки о замечательных, по его мнению, поэтах. Мы не можем надивиться странной его прихоти: стараясь о полноте книги, он не позаботился о единстве ее; собрав все нужные, по его мнению, для истории поэзии сведения, он не захотел дать нам историю поэзии, а бросает лоскутки, связанные только нитками переплетчика. Желая показать, в какой невообразимой степени бессвязны статейки г. Нейкирха, выписываем его отдел о датских поэтах:

«Датская поэзия получила высшее развитие (положим, не очень высокое, потому что г. Нейкирх не считает Ломоносова и Карамзина, занимающих такое же место в русской литературе, как в датской Гольберг, достойными особых статей) только с первой половины XVIII века и была после того обрабатываема многими замечательными талантами».

Конец общему введению! ни словечка, которым связывались бы следующие за ним четыре статейки:

«1. Гольберг. Людовик фон Гольберг родился в Бергене, в Норвегии, 1684 года; учился в Копенгагене; объехал большую часть Европы; после был профессором, сначала философии, потом красноречия и истории при Копенгагенском университете; получил баронский титул и умер в Копенгагене в 1754 году. Его должно признать истинным творцом датской литературы. Лучше всего он в своих комедиях».

Содержание трех комедий рассказывается. Статья кончается указанием переводов Гольберга на немецкий язык.

«2. Эленшлегер. Адам Готлиб Эленшлегер, по происхождению родителей немец, родился...» и т. д.

«3. Герц. Генрих Герц родился...» и т. д.

«4. Андерсен. Ганс Христиан Андерсен, сын бедного сапожника, родился...» и т. д.

Что может быть бессвязнее? И что мешало г. Нейкирху прибавить полстранички о том, как развивалась датская поэзия, каким влияниям она подвергалась, каков ее отличительный характер? Ничто не мешало! Ему просто не казалось это нужным. Что мешало ему сказать, какое влияние имели предыдущие дат-

ские поэты на последующих? Ничто не мешало! Ему просто не казалось это нужным... Странно, очень странно!

Автор хочет говорить о «поэтических» произведениях. Из всего видно, что прозой написанные произведения кажутся ему не совсем заслуживающими титул «поэтических». Нечего и говорить о том, как несправедливо такое понятие. Оно заставило его пройти молчаливым Эзопа, Апулея и многих других поэтов.

Он считает ненужным говорить о теоретиках, о великих критиках, вообще о людях, имевших влияние на дух поэзии в известное время. Потому нет в его сочинении даже Буало. Нельзя, впрочем, и упрекать его за этот недостаток в частности: он только следствие общего правила, принятого г. Нейкирхом, — говорить о произведениях поэзии, не обращая никакого внимания на те влияния, под которыми образовались они. Ни слова не найдете вы у него о влиянии на поэзию исторических событий и тому подобных безделицах. И не вправе мы этому удивляться: такое пренебрежение ко всему, что может объяснить происхождение и смысл произведений, о которых говорится в книге, очень естественно со стороны автора, не подумавшего о том, что сложные без цемента кирпичи — не дом, что бессвязный ряд статеек — не книга: куда уж думать о связи фактов, когда нет связи между словами!

Посмотрим, до какой степени систематичен и полон в принятых автором размерах список его.

В отделе «Индийцы» не говорит он о Ведах, может быть, не считая их поэтическим произведением. Но давно решено, что религиозные книги языческих народов составляют древнейший и важнейший памятник их поэзии. Точно так же в отделах «Персы» и «Арабы» не говорит он о Зенд-Авесте — пропуск решительно непростительный. Нет ни слова и о Моаллакатах, о которых говорится даже в «Истории» г. Смараглова.

Но такой краткий список, как «Dichterkanon», мог легко обойтись без мало известных имен Сомадевы-Батты, Низами, Амрилкаиса и Мотенебби.

Между греческими поэтами нет Гезиода, Эзопа, Анакреона, Сафо; зато есть Бабрий; зато возведены в звание поэтов — угадайте, кто? Ксенофонт и Платон!

Между римскими поэтами нет Катулла (а двойник его, Тибулл, есть); нет Лукана и Апулея, нет Лукреция...

Ограничимся этим. Мы взяли для разбора отдел восточной и классической поэзии, потому что здесь поэтические репутации совершенно установлены, и при выборе имен не остается места произволу и разногласию. А между тем, сколько тут произвола у г. Нейкирха и как неудачен этот произвол!.. Не можем пропустить еще одной странности: г. Нейкирх почти нигде не говорит о народной поэзии. У него есть испанские романсы, Рейнеке-Фукс, Нибелунги и Оссиан, но нет ни полслова об Эдде и скан-

динавской народной поэзии, о шотландских балладах, новогреческих песнях; нет ни слова даже о провансальской поэзии, даже о сербских исторических песнях, которые по художественному достоинству не уступают гомеровским, а возвышенностью содержания далеко их превосходят.

Но довольно о том, чего нет в книге г. Нейкирха; посмотрим, как он говорит о тех поэтах, которые вошли в его список. Для примера берем две статейки: одну, длинную, о Гёте; другую, коротенькую, стоящую с нею рядом, о Фоссе. Статейка о каждом поэте начинается его коротенькою биографиею; за нею следует или не следует (как вздумается автору) несколько строк вроде характеристики поэта; потом рассказывается содержание замечательнейших его произведений (важнейшая по объему часть в книге), и статейка заключается указанием немецких переводов, если поэт не немец. Взглянем, как все это делается.

ГЁТЕ

«Иоганн Вольфганг фон Гёте, сын значительных и почтенных родителей, родился во Франкфурге-на-Майне в 1749 году, учился в Лейпциге и Страсбурге юриспруденции и другим наукам (что учился он юриспруденции — сведение ненужное, потому что из этих занятий никакого результата не вышло; что он учился и другим каким-нибудь наукам — само собою разумеется; следовало сказать, чем занимался он преимущественно, или не говорить ничего); сделан в 1776 году легационсратом в Веймаре (следовало сказать, что он жил при веймарском дворе, а не то, какую должность ему дали); в 1779 году действительным тайным советником сопровождал герцога Карла Августа в путешествии по Швейцарии, где был, впрочем, уже прежде; сделан в 1782 году камер-президентом и возведен в дворянское достоинство; объехал Италию до Сицилии в 1786—1788 годах (это путешествие важно, но важно по влиянию на поэтическую деятельность Гёте, о чем здесь не упоминается); сопровождал герцога в 1792 году на походе в Шампань; жил с 1794 г. в дружбе с Шиллером; женился в 1806 году на девице Вульпиус (не нужно), матери его сына, Августа фон Гёте (что это?), которого в 1830 году умер в Риме великогерцогским гофкамерратом и камергером (зачем это?); сделан в 1815 года первым государственным министром; в 1816 году лишился жены и умер в 1832 году в Веймаре, удалившись от государственных дел с 1828 года. С 1791 до 1818 по должности интенданта управлял придворным веймарским театром».

Можно ли набрать более сведений, опустив все главные факты? Так составлены все биографии у г. Нейкирха. Они сухи и бессвязны донельзя, и нет возможности приискать в них что-нибудь имеющее связь с поэтической деятельностью поэта. За биографию Гёте следует его характеристика:

«Гёте величайший поэт Германии, один из величайших поэтов мира. По гениальности и силе изобретения не равняется он со многими другими поэтами; вообще канвою своих произведений он выбирал события из собственной жизни или сюжеты, которые находил уже довольно подробно развитыми. Но не было другого поэта, ум которого был бы так всесторонне развит и образован, как ум Гёте. Оттого в его сочинениях такое богатство мыслей, что его по преимуществу должно назвать писателем, из которого можно научиться многому».

Но богатство мыслей найдется у всех великих писателей. Были поэты учнее самого Гёте: не в учености дело, а в том, что, не увлекаясь до пристрастия ничем, Гёте вполне сочувствовал всему, «что просит у сердца ответа». Ученость его была только следствием этого всеобъемлющего сочувствия.

Вслед за тем г. Нейкирх начинает рассказывать содержание замечательнейших произведений Гёте, и прежде всего содержание первой части «Фауста». Посмотрите, как оно рассказывается:

«Первая часть «Фауста» одно из замечательнейших и величественнейших произведений во всемирной литературе. Герой этой драмы, доктор Фауст, живший в половине XVI века, которого не должно смешивать с типографщиком Фаустом или Фаустом, жившим до него за столетие (лишнее предостережение, уместное только в подробном рассказе о материалах гётева «Фауста»). Доктор Фауст, человек лет пятидесяти, врач и профессор, отличающийся многосторонними познаниями, но мучимый сознанием их ограниченности; вместе с этим любит он и земные наслаждения, которых ему уделено, по его мнению, слишком мало...»

Вы видите, что опущен пролог; а в этом прологе смысл всего «Фауста»; в нем тема; все следующие сцены только ее развитие. Кроме того, Фауст вовсе не особенный любитель сердечных или чувственных наслаждений. Такая черта в его характере была бы неуместною прибавкою со стороны Гёте. В том, как Фауст бросается в чувственные наслаждения, как сильно закипает в нем любовь, Гёте выразил не случайную черту фаустова характера, а глубокую мысль. Фауст хотел, ограничась жизнью ума, подавить в себе жизнь сердца, — и Гёте представляет его в ту минуту, как заглушенные на время стремления пробуждаются в нем с неудержимою силою.

«Он ищет отрады в магии; ему является дух земли, не удовлетворяет, однако, его ожиданиям; и он, на пасхальную ночь, хочет прекратить свое отчаянное состояние, приняв яду; как внезапно раздающееся пасхальное пение удерживает его (каким же образом?). На пасху идет он с тупоумным своим фамулюсом Вагнером прогуливаться (зачем же? что выражает у Гёте прогулка эта?); тут к ним пристает пудель и провожает Фауста домой; там принимает человеческий вид и объявляет себя Фаусту «духом, вечно отрицающим», духом зла, Мефистофелем, и говорит Фаусту: «Я буду служить тебе здесь, с тем, чтобы ты был моим рабом там», — «Согласен, говорит Фауст, если ты доставишь мне хоть миг полного удовлетворения здесь». Договор заключен. С презрением к прежним стремлениям говорит Фауст: «Бросимся в шумный поток времени, в пучину жизни».

Где же тут связь? Где смысл сцен? Кто узнает «Фауста» из этого рассказа, почтет его бессмысленным набором фантастических сцен...

«И вот Мефистофель ведет Фауста в буйно-веселую компанию аэурбахова погребца в Лейпциге, потом в кухню ведьм, где он молодеет от волшебного питья, имеющего притом такую силу, что Фаусту всякая женщина покажется красавицею», и т. д.

Вместо прибавления подробности о том, как Фауст каждая женщина будет казаться красавицею — подробности, только входящей в недоумение насчет красоты Гретхен, надобно бы сказать, что Фауст, не найдши покоя в тихом кругу бюргеров, бросается в буйную, грязную оргию (ауэрбахов погреб); но грязь эта противна его душе, и он ищет радости, удовлетворения сердцу в чистой, возвышенной любви — тогда было бы все связано и ясно; теперь же в рассказе г. Нейкирха «Фауст» кажется бессвязен, произволен, нелеп. Дальше рассказ идет короче; но так же бессвязны, непонятны остаются в нем приключения Фауста. Переходим прямо к заключению отдела о «Фаусте», общему взгляду автора на его смысл:

«Все зло, в котором становится виноват Фауст, совершает он только после упорной борьбы, и не удовлетворяясь тем, чего достигает посредством зла. Фауст и Мефистофель собственно составляют одно лицо; Мефистофель — олицетворение отрицающего, злого начала в Фаусте. И это одно лицо — Гёте, который в свою очередь является здесь представителем духа человеческого вообще. Целое представляет борьбу живущих в человеке высших и низших стремлений одних с другими».

Опять бессвязно, как будто бы это не отрывок из книги, а отрывок из конспекта или оглавления!

Но Гёте писатель глубокомысленный, «Фауст» вещь очень мудреная. Посмотрим, какова статейка о Фоссе, поэте не головоломном.

«Иоганн Генрих Фосс родился в Зоммерсдорфе в 1751 году, умер в Гейдельберге в 1826 году. Он замечательнее как филолог, особенно как переводчик греческих и римских писателей, нежели как творящий поэт (следовало бы сказать, что Фосс перевел «Илиаду»; правда и то, что его перевод уже указан в статье «Гомер» — что еще за повторения!). Важнейшее из его произведений «Луиза», сельская поэма в трех идиаллиях, в которых, вместе с обыденным, тяжелым и натянутым, попадает много истинно хорошего. Лица, в них выводимые: Луиза, ее отец, седой пастор в Грюнау, вымышленном голштинском селе (удивительно, как чужно знать нам, что Грюнау село вымышленное!), ее мать и ее жених, молодой богослов Вальтер. В первой идиаллии празднуется день рождения Луизы сначала обедом; потом прогулкою в лес, где пьют кофе и ужинают. Во второй идиаллии Вальтер, который был гувернером, делается пастором и приезжает навестить свою невесту. В третьей Луиза выходит за Вальтера».

Очень хорошо рассказано содержание «Луизы»!

Выбор сочинений у г. Нейкирха так же произволен, как и подбор поэтов. У Лесажа, например, выставляет он «Тюркарé» и «Криспена», забывая «Хромого Беса»; лучшею драмою Виктора Гюго называет «Эрнани», и т. д.

Странна до невозможности та щедрость, с которою высчитывает г. Нейкирх переводы на немецкий. Понятно, что можно и должно указать несколько переводов Гомера, Шекспира, Байрона; но к чему же высчитывать дюжинные переводы новых французских и английских прозаиков — например, 4 перевода стернова

«Сантиментального путешествия», 6 переводов гольдсмита «Векфильдского священника», по 3 перевода тэккереевых романов, по 3 перевода романов и повестей Лесажа, Бернардэна-десан-Пьерра, Жоржа Занда, даже довольно жалких романов Ферри и Луи Ребо? Довольно было бы указать на лучший, по мнению автора, перевод.

Г. Нейкирх написал свою книгу по-немецки.

Книга г. Нейкирха — серьезная книга, и поэтому не считаем приличным смеяться над удивительным разглагольствованием нескольких немцев и немок в начале книги о поэзии, любви и т. п. Автор поместил этот диалог, дышащий простотою детских драм, в виде «предисловия и введения». Если б книга была хороша, диалог этот не повредил бы в наших глазах ее достоинству, потому что мы обрезали бы его и переплели бы книгу отдельно. Теперь этого делать не нужно.

Точно такое же забавное впечатление, нисколько не приличное ученой книге, производит напечатанный в начале книги, вместо посвящения, сонет «Каролине» — «An Carolinen». В нем автор напоминает Каролине, как «из уст ее часто текли тоны, которые в авторе создавали чудные миры и свивали венки из золотых учений».

По доброму старому обычаю, в конце извлечем заключение из нашего разбора:

Люди, достойные всякого уважения, часто пишут плохие книги. Нам хорошо известно, что г. Нейкирх основательный и добросовестный ученый; всякий увидит доказательства его учености на каждой странице его книги: а между тем, книга у него вышла очень плохая. Как могло это случиться?.. Как могло случиться — не знаем, а что действительно так случилось, читатели могут видеть из нашего разбора.